

ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РОДНОГО ЯЗЫКА И РОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ТҮРЭЛХИ ХЭЛЭН БА УРАН ЗОХЁОЛ ЗААЛГЫН ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКА ТАЛАНУУД

Научная статья
УДК 811.512.31(09)
DOI 10.18101/3033-1310-2025-4-3-10

Старописьменные памятники бурят

© **Бадмаева Лариса Батовна**

доктор филологических наук, доцент,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
lorabadm@mail.ru

Аннотация. В статье описаны памятники письменной культуры бурят на монгольской графике, относящиеся к XIX — началу XX в. При исследовании выявлено, что у бурят до 1930-х гг. существовало богатое разножанровое письменное наследие на монгольской графике, письме *вагиндра*: летописи, памятники обычного права бурят, словари, дидактические сочинения, путевые заметки, жизнеописания, памятники мемуарного и эпистолярного жанров и др. Авторами сочинений были образованные буряты: летописец Вандан Юмсунов (1823–1883), просветитель, лексикограф Ринчен Номтоев (1821–1907), дорамба лама Эрдэни-Хайбзан Галшиев (1855–1915), цаннид-хамбо-лама Агван-Лобсан Доржиев (1854–1938), который составил в 1905 г. оригинальную бурятскую письменность *«вагиндара»/«вагиндра»* на основе старомонгольской письменности для приближения письма к живой разговорной речи. Освоение старописьменных памятников бурят представляется одним из важных аспектов бурятского языкознания.

Ключевые слова: старописьменные памятники бурят, старомонгольская письменность, письмо *вагиндра*, жанры вербальной культуры бурят.

Для цитирования

Бадмаева Л. Б. Старописьменные памятники бурят // Бурятский язык и литература в школе. 2025. № 4. С. 3–10.

Введение. Как известно, одним из главных критериев цивилизованности народа является наличие у него письменности и письменных памятников. Монголы за всю свою многовековую историю пользовались более десяти разновидностями письма: жужаньское, киданьское (большое и малое), уйгурское, монгольская письменность, квадратная письменность, соёмбо, «тодобичиг», «вагиндара», латиница, кириллица.

Старописьменный монгольский язык в течение долгого времени был общемонгольским литературным языком, обслуживающим нужды собственно монголов, а также ойратских и бурятских племен. В настоящее время им активно поль-

зуются как письменным литературным языком только во Внутренней Монголии Китая.

Старописьменные памятники бурят на вертикальном монгольском письме включают в себя исторические, дидактические, медицинские, филологические, лексикографические, юридические, буддийские сочинения, дидактические, мемуарные, путевые заметки, дневники и др. Буряты в условиях кочевого образа жизни сумели создать, сохранить и донести до наших дней уникальные памятники письменной культуры, среди которых особое место занимают исторические хроники [1, с. 9].

На монгольском письме записывались *улигеры* (былины, сказания), песни и другие произведения устного народного творчества (например, летописец В. Юмсунов записал на монгольском письме крупный улигер хори-бурят «*Эрэлдэй эзэн богдо хаан нэрбэд соохор моритой*»), выполнялись переводы Библии и художественных произведений с русского языка (например, сказки А. С. Пушкина переводил Агван Доржиев на письмо *вагиндра*), создавались произведения дидактического характера (например, «*Билиг-ун толи*» Э.-Х. Галшиева и др.).

Основная часть. После вхождения бурят в подданство Российской империи монгол бичиг у забайкальских бурят использовался и для ведения делопроизводства. В уцелевших архивах Хоринской, Селенгинской, Агинской и Баргузинской степных дум сохранился значительный фонд материалов по истории хозяйства и управления бурят, написанных на монгольском письме. Кроме деловых писем (отношений, рапортов, уведомлений, донесений, предписаний, челобитных, жалоб, прошений и т. д.) на монгольском письме составлялись постановления *сугланов* (собраний) и официальные сборники обычного права, т.е. степные законы. Так, известны «Согласно принятое положение о правилах бурятского податного народа» (1749), Хоринские уложения 1763, 1781, 1808, 1823 гг., Селенгинские уложения 1775, 1823 гг. и другие юридические документы [Там же, с. 11].

Рассмотрим «Селенгинское уложение 1775 г.» Полное название памятника: *1775 on-unamur-unsegülsar-a-yinsine-yin 8-a / edür-ebügedeselengge-yinmedegen-ü qorinqoyar / otuy-unsayid-nar čuyaju čayazaqauli / toyтууajukigsendangsubičigeneamui*: — ‘Книга записи судебных законов, составленных 8 числа последнего осеннего месяца 1775 года на собрании сайтов двадцати двух родов всего Селенгинского ведомства’ (перевод наш. — Л.Б.). Селенгинские уложения впервые исследовал и перевел на русский язык известный бурятский ученый Б. Д. Цибиков. Его фундаментальный труд «Обычное право селенгинских бурят» (1970) включает в себя исследование, переводы текстов на русский язык, примечания к текстам и тексты уложений на монгольском письме, переписанные Б. Д. Цибиковым [11].

Селенгинское уложение (СУ) 1775 г. является самым ранним из крупных сборников «степных законов» бурят. В юридическом аспекте данный памятник исследован А. Т. Тумуровой в диссертации «Обычное право бурят: историко-правовое исследование» (2010).

В XVIII в. многие народы Сибири вошли в состав Российской империи, в то время одной из основных задач государства было найти способы управления ими и новыми территориями. СУ 1775 г. представляет собой первый систематизированный правовой документ норм обычного права бурят, который стал основой для правосудия и порядка в бурятских общинах.

Особенность данного нормативного документа заключается в том, что он был составлен без предписаний и запросов русской администрации, а самими бурятами вследствие внутренних потребностей по инициативе местных сайтов и нойонов без постороннего вмешательства. Документ подписан главным ламой, депутатом Бандида Хамбо-ламой Дамба Даржа Заяевым и другими лицами.

В лингвистическом аспекте данный памятник мало исследован. Вместе с тем «исследование языка старописьменных памятников, относящихся к разным периодам и жанрам монгольской литературы, остается одной из актуальных задач современной монголистики» [9, с. 3]. Изучение языка памятников имеет важное значение для решения проблем истории развития литературных монгольских языков, в первую очередь для правильного соотнесения их данных с соответствующими фактами современных монгольских и установления на этой основе линии их преемственности.

Так, в тексте СУ 1775 г. выявлены следующие лексико-семантические группы слов: ЛСГ «Термины судопроизводства» (*itigel-ünbičig* ‘расписка’, *gerečibičig* ‘письменное свидетельство’, *jarγu-yinkereg* ‘судебные дела’ и др.); ЛСГ «Названия наказаний, штрафов и повинностей» (*alban* <(тюрк.) *alban* ‘повинность (натуральная или денежная)’ [7, с. 37], *baγan* ‘штраф’ > *баан*, *бааны мал* ‘штрафной взысканный скот’ [3, с. 203], а в БРС — 2010 [12] это слово не отмечено, *čobin*, *бурят. арх. сүүбэн* ‘пошлина’ и др.).

До революции публиковались лишь отдельные бурятские сочинения на монгольском письме: в 1869 г. в «Иркутских губернских ведомостях» был опубликован труд Н. Ц.-Ж. Сахарова «Об инородцах, обитающих в Баргузинском округе Забайкальской области», в 1900 г. А. М. Позднеев в своей «Монгольской хрестоматии» опубликовал «Предание о Бальжин-хатун», в 1905 г. вышел в свет труд Агвана Доржиева о происхождении бурят [1, с. 14].

Имеются и неизвестные хроники, хранящиеся в семейных архивах. Например, в архиве Д. З. Зандановой находится рукопись анонимной хоринской летописи „*Qoriburiyad-unquriyangγuiteike*” (“Краткая история хори-бурят”), доведенной до 1903 г. Она представляет собой список “Краткой истории хори-бурят” [Там же, с. 28].

В Рукописном фонде Института восточных рукописей РАН (СПб) под номером MsE 219. 24 лл. нами обнаружен еще один памятник письменной культуры бурят — рукопись на монгольском письме под названием «*Tedeγuiyekedegedü / eženimperaturedüge / amuyulang-iyarayiladuyči / qoyaduyaraliysandariniqulayivisi-yin / γurbaduyartayijiekinaza / aliysialiyasandaraviisi-yinbayiyal-un / emünekioblustiyinnituy-ud-iyar / jalarangegegergülegsenbayasqulang-tu / čaγ-unučiradursqal-un / temdeg. nigemingγ-anayman / jaγundalanγurabaduyaron-a*» — ‘Воспоминания о радостном часе пребывания в 1873 г. в Забайкалье Великого князя Алексея Александровича, 3-го сына Его Высочества Великого императора Александра Николаевича II, ныне благополучно царствующего»’ [13].

Автором сочинения является известный бурятский летописец Вандан Юмсунов (1823–1883) — глава цаганского рода, шуленга, создавший в 1875 г. крупную летопись об истории хоринских бурят „*Qori-yinarbannigenečige-yin jon-uuyijaγur-untuuyi*” [9].

Автор в колофоне рукописи пишет: «Я написал эти заметки о доселе невиданном событии, происшедшем у нас, проживающих в отдаленных краях, столь ра-

достного и счастливого дня, чтобы они были интересными и памятными для наших будущих потомков. Глава хоринского рода *цаган* Вандан Юмсунов, 8 июня 1873 г.» (Здесь и далее перевод наш. — Л.Б.) [13, л. 6].

Анализируемое произведение от начала до конца пронизано искренней радостью от встречи с юным принцем. Чувствуется, что автор, являясь очевидцем этого исторического события, сам испытал немало душевных волнений и переживаний от увиденного. В. Юмсунов постарался передать то приподнятое воодушевленное настроение, которое царило в обществе в тот момент. Он документально, буквально пошагово, описал события того памятного дня: описал *дуган*, который был специально построен в честь приезда князя, обстановку в нем, вплоть до обивки сидений для высоких гостей; обрисовал подарки, которые были преподнесены князю, описал церемонию вручения и принятия подарков и т. д. К тому же мужественный образ принца Алексея Романова, простота его манер пробудили живой интерес народа к нему, усилили симпатии к нему. Приезд великого князя в Забайкалье стал важнейшим историческим событием для общества хоринских бурят [2].

Князь А. А. Романов прибыл в бурятские степи после своего двухгодичного кругосветного путешествия, осуществленного в 1871–1872 гг. На фрегате «Светлана» князь совершил плавание в Северную Америку, обогнув мыс Доброй Надежды, посетил Китай, Японию.

Таким образом, сочинение имеет все соответствующие признаки мемуарного жанра: достоверность, документальность, историчность, которые основываются на свидетельствах очевидцев описываемого события, поэтому мы полагаем, что данное произведение по жанровым характеристикам следует отнести к мемуарному жанру бурят.

Также большое внимание буряты уделяли воспитанию подрастающего поколения. Свои мысли и воззрения об этике, культуре поведения человека в обществе они отражали в дидактических сочинениях. Так, ученый лама, дорамба Эрден-Хайбзун Галшиев (1855–1915) написал объемное дидактическое сочинение «*Билиг-ун толи*» — «Зерцало мудрости» (1915). Это произведение представляет собой энциклопедию правил морали и нравственности, кодекса чести и поведения в быту, в семье и обществе, правил поведения человека в обществе людей и на природе. Если этот памятник популярен и достаточно изучен, то дидактическое сочинение другого известного просветителя, лексикографа Ринчена Номтоева (1821–1907) «*Kökügebuyuqabur-unqatun-usonindaqulalneretü orušiba*» — «Занимательное пение кукушки или царицы весны» является малоизвестным и совершенно неизученным. Его впервые в научный оборот ввела монголовед Х. Ж. Гармаева [4, с. 1274–84].

В сочинении Р. Номтоева в доступной форме представлена обобщающая концентрация буддийских этических норм поведения человека в обществе. Автор искусно вкладывает в уста героя буддийские наставления о пустотности, бренности бытия. Р. Номтоев обстоятельно описывает человеческие пороки, такие как гордыня, гнев, зависть, приводя примеры из буддийских трактатов известных индийских мыслителей и тибетских ученых лам. Напоминание о необходимости проявления заботы, терпения и уважения по отношению к престарелым родителям, а также к старшим по возрасту и людям, имеющим высокое иерархическое положение в обществе, занимает одно из центральных мест в его произведении.

В дореволюционной литературе бурят также был весьма популярен жанр «хождения» — путевые заметки о путешествиях. Например, Вандан Юмсунов в 1876 г. написал сочинение «*11 эсэгын Хориин ахалагша тайшаа, главна родона-чальник Цэдэб Бадмын болон зүүн хуасай отогой гулваа шүүлингэ Цэдэндоржо Аюушын — эдэ хоёрой 1876 ондо Санкт-Петербург ниислэл хото аянишалхан тухай*» — «О том, как старший тайша и главный родоначальник наших 11 хоринских отцов Цыдыб Бадмаев, а также голова зун-хуацайского рода и шуленга Цырендоржи Аюшеев совершили в 1876 г. путешествие в государев столичный город Санкт-Петербург».

Вместе с тем у бурят есть забытая собственная оригинальная письменность «вагиндара» / «вагиндра», созданная бурятским цаннид-хамбо-ламой Агван-Лобсаном Доржиевым (1854–1938) осенью 1905 г. на основе старомонгольской письменности. Новый алфавит «*Mongolbur'aad šine üzügoruṣiba*» («Новый монголо-бурятский алфавит») был составлен с использованием дополнительных диакритических знаков, применяемых в графике ойратского письма «*тодо бичиг*» («ясное письмо»), которое создал в 1648 г. ойратский просветитель, буддийский монах Зая-Пандита на основе старомонгольской письменности для приближения письма к живой разговорной речи, особенно к произношению.

Новый бурятский алфавит был издан в Петербурге в марте 1906 г. литографским способом. В том же году в Петербурге Агваном Доржиевым было организовано издательство «Наран», где печатались тексты на монгольской, ойратской письменности и на письме «вагиндра» (по имени создателя этого письма Агвана Доржиева: санскр. *Vaghintara*=тиб. *Agvan*).

Среди памятников на реформированном бурятском письме «вагиндра» имеются грамматики, в т. ч. переложение на новую графику известного сочинения Дандзана Дагбы «*Джирухэн-у толта*» («Сердечная аорта»), литературные тексты, среди которых следует выделить фрагменты из популярных у монгольских народов сочинений, таких как «Субхашита» Сакья-Пандиты, отдельные сказки из сборника джатак «*Улигер-ундалай*» («Море притч»), сборник "*Burxang bagsiing gegeen ixur'aanggui namtar bolung Buyan tuxang xubuuni namtar orusibai*" (1906) [6, с. 10–11]. В письменное наследие Агвана Доржиева на письме «вагиндра» входят также сборники бурятского фольклора, подготовленные им совместно с Ц. Жамцарано и Э.-Д. Ринчино «*Bur'aad xüür*» — «Бурятское слово» и др.

Кроме того, в письменной культуре бурят на монгольском письме фигурирует и эпистолярный жанр — личные дневники. Например, в семейном архиве потомков Цыренбазара Ёдоина хранится его дневник на монгольском письме, который он вел с 1878 по 1926 г. [8]. Например, о своей поездке в Утай-Шань автор пишет следующее: «В августе 1908 г. мы отправились для поклонения в обетованную землю, святую страну Утай-[Шань]. Нас было 9 человек: гэлун Гэндэн Манданон, Батор Натахийн, его сын Батомунко, Цэдэн Аранзаин, его сын Базар гэбши, Доржи Ринчино, Жимба Эрдэнийн, его мать и я. <> Из Татаурова добрались прямо до железной дороги без ночевки. Возможно, до города Пекина мы доберемся в течение 7 суток. Говорят, что российские поезда за 1 час проходят 30 километров, а японские и маньчжурские поезда за 1 час проходят 70 километров. Почему они идут быстрее, я думаю, потому что на их пути нет или мало гор, перевалов, идет ровная земля, кроме того, остановки недолгие — в течение 5–10 минут» [8, с. 32–34] (Здесь и далее перевод наш. — Л.Б.).

Автор дневника пишет не только о делах и событиях своей семьи, но и о событиях, происходивших в стране: «16 марта 1917 г. волостное управление утратило свою силу. Будет новое правление — комитеты. Сказали, что народ всей России обрел свои права. Для организации комитета в *булуке* в течение 2 месяцев вел организационные работы по выборам среди народа. Тем временем вышел закон о правах бурят-монголов» [Там же, с. 47].

Однако в 1931 г. осуществлен переход на латинский алфавит, а в 1939 г. — на кириллицу, но до 1936 г. газеты, делопроизводство частично печатали на монгольском письме. В дальнейшем русская графическая основа бурятского языка постепенно вытеснила монгольскую вертикальную графику, которая в 1930-е гг. под влиянием новой советской идеологии подверглась сильнейшей критике как «архаичная феодально-теократическая письменность» и была объявлена «вредной, ламской письменностью, орудием панмонголистов». А литературные сочинения на монгольском письме изымались из обращения и варварски уничтожались как «наследие феодально-теократического режима». Только за хранение и чтение книг на монгольском письме людей объявляли «врагами народа, панмонголистами» и бросали в застенки [1, с. 12].

Как пишет исследователь бурятской дидактической литературы Д. Б. Дашиев, «после революции в ходе борьбы с так называемым «буржуазным национализмом и панмонголизмом» вся эта литература (на вертикальном монгольском письме. — Л. Б.) была объявлена антинародной и изъята из обращения. Смена письменности в последующие годы привела почти к полному забвению как авторов, так и самих памятников» [5, с. 3].

Заключение. Таким образом следует отметить, что у бурят до 1930-х гг. существовало богатое многожанровое письменное наследие на монгольской графике. Освоение этого наследия, а также памятников на письме *вагиндра* нам представляется одним из важных аспектов современного бурятского языкознания. Старописьменные памятники бурят как феномены трансцендентной культуры свидетельствуют о достаточно развитой письменной культуре бурят в дореволюционный период. Приобщение подрастающего поколения бурят к богатому письменному наследию на монгольской графике позволяет им обратиться к исторической памяти своего народа, являющейся необходимой категорией для развития самосознания и самопознания народа, фактором его самообогащения.

Литература

1. Бадмаева Л. Б. Языковое пространство бурятского летописного текста. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 296 с. Текст непосредственный.
2. Бадмаева Л. Б. Эмотивная лексика в мемуарном сочинении Вандана Юмсунова // *Russian Linguistic Bulletin*. 2023. № 12(48). Текст непосредственный.
3. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 томах / ответственный редактор Г. Ц. Пюрбеев. Москва: Academia, 2001–2002. (БАМРС). Текст непосредственный.
4. Гармаева Х. Ж. «Занимательное пение кукушки или царицы весны» как памятник письменной культуры бурят // *Бурятский язык как национальное достояние: сборник научных статей* / ответственный редактор Е. В. Сундуева. Улан-Удэ: Изд-во ИМБТ СО РАН, 2025. С. 74–84. Текст непосредственный.
5. Дашиев Д. Б. Бурятская дидактическая литература: проблемы жанрового состава: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Улан-Удэ, 1997. 15 с. Текст непосредственный.

6. Доржиев А. Занимательные заметки: описание путешествия вокруг света (автобиография / перевод с монгольского А. Д. Цендиной. Москва: Восточная литература, 2003. 160 с. Текст непосредственный.
7. Древнетюркский словарь. Ленинград, 1969. 676 с. Текст непосредственный.
8. Ёдоин Цыренбазар. Личный дневник (1878–1926 гг.). Рукопись. 65 л.
9. Летописи хоринских бурят. Вып. 1. Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова. Текст издал Н. Н. Поппе // Труды Института востоковедения. Текст издал Н. Н. Поппе. IX. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1935. 172 с. (ВЮ 1875). Текст непосредственный.
10. Пюрбеев Г. Ц. Памятник монгольского права XVIII в. «Халхаджирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. Москва; Калуга: Эйдос, 2012. 270 с. Текст непосредственный.
11. Цибииков Б. Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 283 с. Текст непосредственный.
12. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: в 2 томах. Т. 2. О-Я. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. 708 с. Текст непосредственный.
13. Юмсунов В. «*Tedeγuiyekedegedü / efenimperaturedüge / amuγulang-iyarayiladuγči / qoyaduyaraliγsandariniqulayivisi-yin / γurbaduyartayijiyekekinaza / aliγsialiyсандаравииси-yinbaγiyal-un / emünekioblusti-yinnituy-ud-iyar / jalarangegeγügülegsенbayasqulang-tu / çay-unuçiradursqal-un / temdeg. nigemingγ-anayman / jaγundalanγurabaduyaron-a*». Рукопись. 1873. Рукописный фонд ИВР РАН (СПб). № MsE 219. 24 л.

Статья поступила в редакцию 26.11.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 05.12.2025.

Old Written Monuments of the Buryats

Larisa B. Badmaeva

Dr. Sci. (Philology), A/Prof.

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

6 Sakhyanovoy St., 670047 Ulan-Ude, Russia

lorabadm@mail.ru

Abstract. The article examines written monuments of Buryat literary culture in the Mongolian script dating to the 19th and early 20th centuries. It has been found that, until the 1930s, the Buryats possessed a rich and diverse written heritage in the Mongolian script and the *vagindra* writing system, including chronicles, monuments of Buryat customary law, dictionaries, didactic works, travel notes, biographies, as well as memorial and epistolary writings, among others. The authors of these works were educated Buryats: the chronicler Vandan Yumsunov (1823–1883); the educator and lexicographer Rinchen Nomtoev (1821–1907); the *doramba* lama Erdeni-Khaibzan Galshiev (1855–1915); and the *tsannid-hambo lama* Agvan-Lobsan Dorzhiev (1854–1938), who in 1905 created the original Buryat writing system *vagindara/vagindra*, based on the Old Mongolian script, in order to bring writing closer to the living spoken language. The study and mastery of old Buryat written monuments represent one of the important areas of Buryat linguistics. *Keywords:* old Buryat written monuments, Old Mongolian script, *vagindra* writing system, genres of Buryat verbal culture.

For citation

Badmaeva L. B. Old Written Monuments of the Buryats. *Buryat Language and Literature in School*. 2025; 4: 3–10 (In Rus.)

The article was submitted 26.11.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 05.12.2025.